
РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Жук Э.Н.

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.:

ЛЕБИНА Н. ПАССАЖИРЫ КОЛБАСНОГО ПОЕЗДА: ЭТЮДЫ К КАРТИНЕ БЫТА РОССИЙСКОГО ГОРОДА. –

М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 584 с.

В аннотации к рецензируемой книге написано, что она состоит из исследований-этюдов, на микро- и макроуровне описывающих все стороны повседневности советского горожанина: от питания до увлечений, от выбора одежды до интимной жизни, от заключения брака до похоронных обрядов.

Автор пишет, что ей пришлось столкнуться с весьма распространенным суждением о том, что «колбасные электрички» в СССР – миф и даже известный анекдот «Что такое: длинное, зеленое и пахнет колбасой? – Электричка из Москвы» якобы появился в годы перестройки. Когда высказывания подобного рода автор слышала и в публичных псевдопатриотических выступлениях, идея, структура и, главное, названия новой книги о советском быте стали для нее очевидными.

Для освещения заявленной темы автор избрала небольшие самостоятельные тексты, которые она называет «Этюдами». «Их совокупность должна представить целостное изображение быта российского города в советскую эпоху» (с. 7). Таких «этюдов» набралось 27. Расположены они в алфавитном порядке, и названия некоторых из них на первый взгляд вызывают удивление. Но при ближайшем рассмотрении все встает на свои места. Так, книга открывается текстом «Акваланг» с подзаголовком – *Любительский спорт: от гражданской обязанности к модному стилю поведения*. Отмечая тот факт, что спорту в СССР всегда уделялось большое внимание, автор подчеркивает, что в условиях десталинизации и демократизации формировались новые,

отличные от прежних, сталинских, каноны женской и мужской привлекательности. Если в эпоху большого стиля спорт был прежде всего способом формирования тел, предназначенных для тяжелого труда, защиты социалистического отечества и производства потомства, то теперь в моду вошла женственность. «Идеал стройной женщины, конечно же, подразумевал ее подвижность и спортивность. Демилитаризация спорта и его перемещение в сферу приватности сказались и на внешнем облике мужчин... Идеалом становится образ спортсмена-интеллектуала. Так выглядели штангист Юрий Власов и легкоатлет Валерий Брумель» (с. 38).

Освещая те или иные картины советского быта, автор широко использует официальные документы, художественные произведения, прозу и поэзию, созданные в советское время представителями разных литературных направлений. Писатели, отмечает Н. Лебина, – современники описываемых событий, придерживавшиеся реалистического метода, были точны в передаче именно деталей быта. Достоверность художественной литературы подтверждается и тем, что одни и те же бытовые факты зафиксированы и у явных апологетов коммунистической власти, и у литераторов-диссидентов, и у тех, кто смог найти золотую середину в изображении советской действительности. В книге встречаются отсылки к дневникам, письмам, воспоминаниям, как опубликованным, так и извлеченным из архивов.

Однако основным материалом для написания книги все же стал опыт собственной обычной жизни человека, «рожденного в СССР». «Мои родственники и я, пишет автор, много чего повидали за 74 года советской власти. Среди нас были люди, создавшие свой капитал и потерявшие его после революции, были те, кого “сажали”, и те, кто “сажал”, были ушедшие в мир иной в почтенном возрасте и благополучии, и те, кто в разочаровании выбрал путь физического самоуничтожения. Предки поселились в Петербурге на рубеже XIX–XX веков. В семье уже пять коренных городских поколений. Представители трех из них родились и выросли в советской действительности. Перемены, которые принесла революция 1917 года, выпали на долю моих родных. Они познали горечь несбывшихся надежд эпохи нэпа, испытали трудности довоенных пятилеток, Финской кампании, блокады Ленинграда. Вместе с ними я соприкоснулась с нуждой обывденной жизни “воинов-победителей”, восторгами и разочарованиями времен десталинизации. И старшее, и среднее, и молодое поколение нашей среднecультурной питерской семьи не впали в психоз “вещизма”, в искуc

диссидентства и в соблазн “исхода” в годы брежневско-романовского застоя. Мы преодолели проблемы перестроечного времени и нашли смысл существования в новых реалиях развития российского общества» (с. 17–18).

К числу общих закономерностей обыденной жизни в 1917–1991 гг. можно отнести «жилищный передел» 1918 – начала 1920-х годов, появление новых форм общественного питания – фабрик-кухонь, распространение «бормотухи», криминальные аборты, перманентную нехватку еды, внедрение синтетики в быт и многое другое.

В тематике 27 этюдов отражены все основные стороны городской повседневности: жилье и интерьер («ЖАКТ», «Общежитие», «Уплотнение», «Хрущевка», «Электроприборы»), питание («Фабрика-кухня», «Царица полей», «Чипсы»), одежда и обувь («Галоши», «Красная козынка», «Рукоделие», «Шуба», «Юнгштурмовка»), телесность и сексуальность («Акваланг», «Волосатик», «Интим», «ЗАГС», «Смерть»), досуг («Дикари», «Елка», «Макулатура», «Танцы») и социальные отклонения («Бормотуха», «Лотерея», «Наркотики», «Проституция», «Язвы»).

Автор замечает, что некоторые каноны советского быта стали лишь трансформацией обыденности горожан дореволюционного времени. К городской культуре прошлого имеют прямое отношение феномен «русской дачи», о котором написано в этюде «ЖАКТ», традиции игры в карты и посещения ипподромов (см.: «Лотерея»), существование семейных библиотек (см.: «Макулатура») и типично женских домашних занятий в часы досуга (см.: «Рукоделие») и т.д. Все это свидетельствует о наличии преемственности в быту горожан, несмотря на смену политических изменений в развитии страны.

Очевидно, что житейские практики горожан после событий 1917 г. формировались под диктатом коммунистической идеологии и в условиях насильственной ликвидации частной собственности. Однако нельзя не заметить воздействия на городской быт и внешний облик советских обывателей достижений научно-технической революции. Менялись объем, структура и содержание досуга городских жителей, происходили обособление и интимизация пространства свободного времени.

«С определенной долей уверенности можно утверждать, что в советской действительности 1917–1991 годов несомненно шел процесс превращения “традиционного” общества в “современное”. Но идеологические парадигмы, плановая экономика, социалистическая соб-

ственность на средства производства и недвижимость были непреодолимым препятствием на пути модернизации обыденной жизни россиян» (с. 506).

Несомненным достоинством работы Наталии Лебиной, на наш взгляд, является то, что она выступает не только как вдумчивый, серьезный исследователь, но часто как непосредственный свидетель и даже участник описываемых событий и явлений.

Ниже публикуется изложение двух «этюд» из 27 помещенных в книге, дающих представление о некоторых особенностях быта советских горожан.

Хрущевка.

*Слово и здание в контексте десталинизации **

«Хрущевка», пишет автор, – неоспоримый и к тому же политизированный элемент советского новояза. Согласно «Толковому словарю языка Совдепии», – это «малогабаритная квартира (обычно в типовом пятиэтажном доме, которые в большом количестве строились в 50–60-е гг.)». Стилистическая помета «разг.» определяет принадлежность слова к бытовой речи (цит. по: с. 382–383).

В конце 1954 г. Хрущев развернул борьбу с «излишествами» в архитектуре. Десталинизация началась с административного искоренения сталинского ампира в зодчестве. «Сталинские» здания появились в середине 1930-х годов и продолжали заполнять улицы советских городов после Великой Отечественной войны. Именно тогда власти удалось создать и визуальные доминанты сталинского большого стиля – возведенные в Москве знаменитые «высотки». Уже после войны в ходе реконструкции Москвы было решено создать кольцо из восьми высотных зданий. «Высотки», как писали в пропагандистской литературе начала 1950-х годов, продемонстрировали «величие сталинской эпохи, расцвет культуры, героизм созидательного труда советского народа» (цит. по: с. 385). Одновременно часть этих зданий стала неким образцом элитного жилья в советском обществе. В начале 1950-х годов в крупных городах действительно начали возводить 5–7-этажные дома.

*Лебина Н. Хрущевка. Слово и здание в контексте десталинизации // Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. – М.: Новое лит. обозрение, 2019. – С. 382–400.

Здания выглядели гармоничными и фундаментальными как снаружи, так и внутри. Полезная площадь двухкомнатной квартиры там нередко достигала 55–60 кв. м, а высота потолков – 3–3,5 м. Однако уже в конце марта 1953 г. в Москве заговорили об отказе от оригинальных строительных проектов, характерных для сталинского ампира. А в ноябре 1955 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». В документе в довольно резких выражениях критиковалась «показуха», царившая в советской архитектуре. Пилястры и колонны, башенки и фигурные карнизы объявились «не соответствующими линии КПСС и Советского правительства в архитектурно-строительном деле, направленной, прежде всего, на удовлетворение нужд широких масс трудящихся» (цит. по: с. 387).

Десталинизация архитектуры, официально санкционированная властью, стала внедряться на местах. После критики архитекторов-украшателей советские города стали в спешном порядке застраивать типовыми жилыми пятиэтажными домами. Размах возведения жилья вызывал у многих современников неподдельный восторг. Советское искусство конца 1950-х – начала 1960-х бурно и почти искренне восхваляло хрущевское жилищное строительство. Наиболее показательна в этом плане попытка художественного конструирования особых отношений в новом бытовом пространстве, предпринятая Дмитрием Шостаковичем в оперетте «Москва, Черёмушки».

В конце 1950-х в каждом регионе страны появились свои «Черёмушки» – районы первых хрущевских новостроек. Они характеризовались системой свободной планировки, примитивностью внутреннего устройства квартир, единообразием панельных зданий. Исчезли эркеры и «завитушки», характерные для архитектуры большого стиля.

К началу 1960-х годов стало очевидным, что достоинства жилищной реформы грозят превратиться в недочеты. Новоселы малогабаритных отдельных квартир уже через пять лет жаловались на тесноту. Даже новое жилье в СССР выдавалось строго по норме и без учета перспектив расширения семей. Часто в двухкомнатной квартире (14,5 и 15,2 кв. м) с пятиметровой кухней и совмещенным санузлом жило две семьи: за пять-семь лет после получения хрущевки дети вырастали и женились. Раздражающим моментом стала стандартность новых районов, застроенных пятиэтажными спичечными коробками.

В послеперестроечной литературе слово «хрущевка» употреблялось на законном основании. Сами же здания изображались как нечто

нестабильное, временное, экспериментальное. Но это «временное» оказалось почти «постоянным», а главное, социально значимым – и не потому, что хрущевки, рассчитанные на 25 лет, существуют до сих пор. Скорее, суть заключается в индивидуализации жилого пространства, которая способствовала формированию менее контролируемого со стороны государства стиля жизни. Современники хрущевских реформ в маленьких, но индивидуальных кухнях, на 5 квадратных метрах между холодильником и обеденным столом размером 60 x 70 см на тонконогих табуретках, могли, не опасаясь доносов, поговорить о политике, послушать «вражеские голоса», попеть под гитару песни Окуджавы и Высоцкого.

В ходе массового жилищного строительства конца 1950-х – начала 1960-х годов удалось преодолеть водораздел между элитным меньшинством, проживавшим в отдельных квартирах, и демократическим большинством из коммуналок. Хрущевская жилищная реформа, несмотря на ее бедность и поспешность, привела к деконструкции сталинской коммунальной повседневности – почти так же, как реформа 1861 г., несмотря на всю ее ограниченность, разрушила крестьянский общинный быт.

Наркомания.

Ретретизм в пространстве советской жизни *

Понятие «наркомания» в языке городских жителей появилось, скорее всего, в 1920-х годах. Действительно оно отсутствует в словаре Брокгауза и Ефрона, но там есть слова «наркотик», «наркотические вещества», а главное, термин «морфинизм», который расшифровывается как «пристрастие к употреблению морфия», возникающее «первоначально случайно, при ощущении боли». Важно, что кроме медицинского толкования в словаре отмечено «особое расположение» некоторых людей к наркотическим веществам. Морфинисты – это обязательно «неврастеники, истеричные, меланхолики» (цит. по: с. 243).

Констатация подобных фактов означает, что в дореволюционной России существовали люди, склонные к разрешению жизненных ситу-

*Лебина Н. Наркомания. Ретретизм в пространстве советской жизни // Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда. Этюды к картине быта российского города: 1917–1991. – М.: Новое лит. обозрение, 2019. – С. 243–260.

аций посредством ретризма – намеренного ухода от действительности, от социального неравенства, от ощущения собственной неустроенности.

Несмотря на отсутствие в русском языке слова «наркомания», население крупных российских городов познакомилось с ней уже в конце XVIII в. Одурманивающий эффект носило внешне безобидное довольно распространенное в России нюханье табака, в XIX в. появились морфинисты, эфироманы, курильщики гашиша. Влияние медицины росло, и с неизбежностью появились люди, зависимые от лекарственных средств. Уже в конце XIX в. были отмечены случаи привыкания к опию – морфину. Русская классическая литература не прошла мимо этого явления. Толстовская Анна Каренина легко втягивается в постоянное потребление настойки опия после тяжелых родов. Позднее наркотик становится для нее средством выхода из ситуации нервного напряжения.

В начале XX в. наркотики стали показателем принадлежности к новым эстетическим субкультурам. Неудивительно, что наркотики стали элементом культуры декаданса в России. Столичная богема в начале века увлекалась курением опиума и гашиша. Георгий Иванов – поэт Серебряного века – вспоминал, как ему из вежливости пришлось выкурить с известным питерским журналистом Владимиром Бонди толстую папиросу, набитую гашишем. Бонди обещал поэту «красочные грезы, озера, пирамиды, пальмы... Эффект оказался обратным – вместо грез тошнота и неприятное головокружение» (цит. по: с. 245–246). Наркотики – морфий в смеси с алкоголем – сыграли роковую роль в жизни Нины Петровской, судьба которой связана с именами известных поэтов: Константина Бальмонта, Валерия Брюсова и Андрея Белого.

Накануне Первой мировой войны в России появился уже очень модный в Европе кокаин. Первоначально этот довольно дорогой наркотик употребляли шикарные дамы полусвета, иногда высшее офицерство, обеспеченные представители богемы.

Серьезным фактором наркотизации и в первую очередь морфинизации российского населения стала Первая мировая война. Чаще всего приобщение к наркотику было следствием тяжелых ранений, лечение которых требовало хирургического вмешательства и обезболивания. Однако в медицинской среде наркотик употребляли не только больные, но и сами медики. Данные 1919–1922 гг. свидетельствуют, что в Петрограде почти 60% морфинистов были врачами, медсестрами, санитарями. Подобная ситуация ярко описана в «Морфий»

М. Булгакова. Социальные катаклизмы 1917 г. оказали влияние на проникновение наркотиков в жизнь российских горожан. Заметно ослабился медико-полицейский надзор за расходом наркотических препаратов, они стали продаваться относительно свободно. Наркомания заметно демократизировалась. Буквально через три месяца после прихода к власти большевиков Народный комиссариат внутренних дел вынужден был констатировать: «Появились целые шайки спекулянтов, распространяющих кокаин, и сейчас редкая проститутка не отравляет себя им. Кокаин распространился в последнее время и среди слоев городского пролетариата» (цит. по: с. 249).

И морфий, и в особенности кокаин немецкого производства ввозились контрабандным путем из оккупированных немцами Пскова, Риги, Орши. Кокаин, прозванный в народе «марафетом», особое распространение получил в годы нэпа в условиях свободы торговли. Для его употребления не нужны были шприцы и умение «ставить уколы». К марафету стала прибегать и рабочая молодежь. Пролетаризация кокаинистов, в частности, была следствием контактов рабочих с проститутками, которые не только сами употребляли кокаин, но и торговали им. Представители правящего класса социалистического общества составляли, по данным 1927 г., почти 70% постоянных потребителей услуг проституток, занимающихся торговлей наркотиками.

Бороться с наркоманией советская власть начала раньше, чем с пьянством, хотя в Уголовном кодексе 1922 г. не было нормативных предписаний по этому поводу. В последующие годы было принято несколько постановлений, предусматривающих наказание за изготовление, хранение и сбыт наркотиков. Одновременно в нескольких городах были открыты учреждения для лечения наркозависимых больных на сугубо добровольной основе.

Свертывание нэпа повлекло за собой ужесточение таможенных барьеров. Приток кокаина из-за границы резко сократился, уменьшилось и потребление морфина. В годы Великой Отечественной войны обострилась ситуация привыкания к наркотическим веществам после тяжелых ранений. Это была общемировая тенденция, но в СССР она замалчивалась.

В начале 1960-х годов появилась надежда на возрождение филантропической линии по отношению к наркозависимым. Самостоятельное название – «наркология» – получило направление медицины, представители которого пытались изучать последствия бесконтрольного приема наркотиков и осуществлять лечение людей, ими злоупо-

требляющих. Однако в 1970–1980-х годах власть вновь перешла к репрессивным мерам искоренения наркомании, полагая, что в обществе «развитого социализма» не существует обстоятельств, способствующих развитию ретретизма. «Наркоманов» наказывали не только штрафами и административным арестом. Вполне реальным было и «лишение свободы на срок до двух лет», и исправительные работы. Кроме того, наркозависимых обязывали проходить принудительное лечение в особых учреждениях. Однако эти жесткие меры не смогли остановить процесс наркотизации населения в годы брежневского застоя. В быт советских людей проникали элементы субкультур, в основе которых лежало свободное употребление легких одурманивающих веществ. В мире бурно развивались химия и фармакология, разрабатывались новые лекарственные средства, прежде всего сильные транквилизаторы. У людей, склонных к ретретизму, появились возможности для почти наркотического забвения благодаря официально разрешенным нейролептикам. Не был забыт и традиционный морфий. Но на самом деле цифры, свидетельствующие о потреблении наркотиков советскими обывателями, не были столь угрожающими. В 1980 г. общая численность лиц, состоящих на специальном учете с диагнозом «наркомания» и «токсикомания», составляла примерно 36 000, а в 1989-м – 73 500 (цит. по: с. 260). Важнее, пишет в заключение автор, было объяснить обществу необходимость профилактики наркомании. Но на это у представителей власти не хватало времени, средств, а главное, не было желания признать, что в любом обществе могут существовать люди, склонные к ретретизму, и зачастую они вовсе не злобные преступники.